

М $\frac{35}{390}$

№ 1

Библиотечка „Впередъ“

№ 1

~~192~~
~~7967~~

801-19
95

А. БОГДАНОВЪ

Памяти
ВЕЛИКАГО УЧИТЕЛЯ

ТИФЛИСЬ
Типографія „Надежда“ Баронская 14.
1914 г.

Памяти великаго Учителя

(5 Мая 1818—14 Марта 1883. г.).

Онъ умеръ такъ давно... а самое слово „смерть“ по-прежнему странно не вяжется съ его именемъ. Послѣ него, какъ и послѣ всякаго другого человѣка, осталось, въ сущности, одно-его *дѣло*. Но никогда еще ни одинъ человѣкъ на землѣ не оставлялъ по себѣ такого гигантскаго наслѣдства.

Это наслѣдство—*идея, организація, образецъ жизни.*

Идея... Онъ преобразовалъ политическую экономію, исторію, всю область общественныхъ наукъ; онъ далъ новую душу философій. Изъ богатства его мыслей и знаній черпаютъ вновь и вновь, и долго еще будутъ черпать, не только друзья, а даже враги. И во всемъ этомъ лежитъ одна, все-объединяющая, живая идея. Сама по себѣ, она проста; но не всякому дано понять ея величіе.

За три съ половиной вѣка до Маркса жилъ скромный астрономъ, Николай Коперникъ. Онъ также преобразовалъ свою науку, у него также была одна, простая идея; она—родная сестра идеи Маркса.

Древніе астрономы добросовѣстно наблюдали небо, изучали движенія свѣтилъ, видѣли, что есть въ нихъ глубокая, стройная, непреложная законмѣрность, старались выразить и передать ее. Но—тутъ получалось

Ф. 3164-34

105

2007048637

какая-то странная запутанность. Планеты идут среди звѣздъ, то быстрее, то медленнѣе; порой какъ-будто останавливаются, поворачиваютъ назадъ, и опять переходятъ къ прежнему направленію; а черезъ определенное число мѣсяцевъ и дней онѣ снова на старомъ мѣстѣ, и начинаютъ тотъ же путь. Приходилось придумывать сложныя теоріи, отдѣльное небо для каждой планеты, предназначанные для планетъ круги, вращающіеся въ свою очередь по другимъ кругамъ и т. д. Неясность не исчезала, расчеты были страшно трудны.

У Коперника возникла мысль: не потому ли все это такъ сложно и запутано, что мы смотримъ съ *Земли*? А что, если переменить *точку зрѣнія*, и попробовать — конечно, лишь мысленно — посмотреть съ *Солнца*? И когда онъ сдѣлалъ такъ, то оказалось, что все стало просто и ясно: планеты, и Земля въ числѣ ихъ, движутся по круговымъ, а не извилистымъ путямъ, и Солнце — ихъ центръ; но раньше это не было понято потому, что Землю считали неподвижной, и ея движеніе смѣшивали съ путями планетъ. Такъ родилась новая астрономія, которая объяснила людямъ жизнь неба.

До Маркса жизнь общества изслѣдовали буржуазные ученые, и смотрѣли на нее, естественно, съ *точки зрѣнія своего собственнаго положенія въ общество*, съ точки зрѣнія класса, который не производитъ, а подчиняетъ себѣ трудъ другихъ людей, и пользуется имъ. Но съ того мѣста не все видно, и многое представляется въ искаженномъ видѣ, и многія движенія жизни запутываются такъ, что ихъ нельзя понять.

Что сдѣлалъ Марксъ? Онъ *переменяетъ точку зрѣнія*. Онъ взглянулъ на общество съ точки зрѣнія тѣхъ, кто производитъ, — рабочаго класса, и все оказалось иначе.

Обнаружилось, что именно тамъ — центръ жизни и развитія общества, то Солнце, отъ котораго зависятъ пути и движеніе людей, группъ, классовъ.

Марксъ не былъ рабочимъ; но силою мысли онъ сумѣлъ вполне перенестись на позицію рабочаго. И онъ нашелъ, что съ этимъ переходомъ все тотчасъ мѣняется свои очертанія и формы: раскрываются для глазъ силы вещей и причины явленій, не замѣтныя оттуда, со старой позиціи; дѣйствительность, истина, даже сама очевидность становятся иными, часто противоположными прежнимъ.

Да, и сама очевидность! Что можетъ быть очевиднѣе для капиталиста, чѣмъ то, что онъ кормитъ рабочаго? Развѣ не онъ даетъ рабочему занятіе и заработокъ? Но для работниковъ не менѣе очевидно то, что они своимъ трудомъ кормятъ капиталистовъ. И Марксъ ученіемъ о прибавочной стоимости показалъ, что первая очевидность — иллюзія, видимость, подобно ежедневному движенію Солнца вокругъ Земли, а вторая — истина.

Марксъ нашелъ, что всѣ мысли и чувства людей получаютъ разное направленіе, складываются несходно, смотря по тому, къ какому классу эти люди принадлежатъ, то есть, какое положеніе въ производствѣ или около производства они занимаютъ. Различны интересы, привычки, опыты, различны и выводы изъ нихъ. То, что для одного класса разумно, для другого — нелѣпо, и наоборотъ; что для одного справедливо, закономерно, нормально, для другого — несправедливость, злоупотребленіе силою; что кажется свободною тѣмъ, рабствомъ кажется этимъ: идеалъ этихъ вызываетъ ужасъ и отвращеніе въ тѣхъ.

Марксъ подвелъ итоги, и сказалъ: „общественнымъ бытіемъ людей опредѣляется ихъ сознание“; или, другими словами: экономическимъ положеніемъ опредѣляются мысли, стремленія, идеалы. Это была та идея, посредствомъ которой онъ преобразовалъ всю общественную науку и философію. На ней основалъ онъ великое ученіе о классовой борьбѣ, черезъ которую идетъ развитіе общества. И онъ изслѣдовалъ путь этого развитія, и показалъ, куда оно ведетъ, какому классу предстоитъ создать новую организацію производства, какая будетъ эта организація, и какъ она покончить съ раздѣленіемъ на классы, съ ихъ вѣковой борьбой.

Марксъ не былъ рабочимъ. Но въ рабочемъ классѣ великій ученый нашелъ точку опоры для своей мысли, точку зрѣнія, которая позволила ему проникнуть въ глубину дѣйствительности, и породила его идею. Сущность этой идеи — самосознаніе трудового пролетаріата. Вотъ почему Марксъ — мыслитель болѣе, чѣмъ кто-либо принадлежитъ пролетаріату.

Онъ принадлежитъ ему и какъ великій организаторъ. Идею пролетаріата онъ сдѣлалъ могучимъ орудіемъ организаціи. Шестнадцать шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ прозвучали надъ міромъ призывающія къ объединенію слова знаменитаго манифеста написаннаго имъ съ Энгельсомъ. И эхо живой жизни продолжаетъ повторять ихъ, громче и громче, до самыхъ далекихъ уголковъ земли. Гигантскія организаціи сложились подъ этимъ лозунгомъ, отъ Запада до далекаго Востока; и растутъ, собирая силы, неудержимо, быстрѣе и быстрѣе, словно лавина Исторіи.

Судьба Маркса-организатора трагична, полна ярвихъ побѣдъ, но и тяжелыхъ пораженій. Не разъ су-

ровая жизнь разрушала то, что онъ создавалъ тѣной огромныхъ усилій. Какъ истинный организаторъ, онъ не терялъ мужества передъ безвременьемъ. Онъ выжидалъ момента и условій, и вновь упорно, начиналъ работу, шире, чѣмъ прежде. Распалась, подъ гнетомъ реакціи, та организація, которую въ эпоху подъема 1848 года онъ основалъ въ Германіи; самъ онъ очутился изгнанникомъ на чужбинѣ. Но прошли годы, — и онъ съ товарищами основываетъ тамъ международное общество рабочихъ, и руководитъ его работой, опираясь на свою могучую способность убѣждать людей. Оказалось, что и для этой организаціи не пришло еще настоящее время: сначала она росла и расширялась; но потомъ обнаружилось, что въ ней сошлись слишкомъ разнородные элементы. Съ трудовыми пролетаріями — людьми единства и товарищеской дисциплины — не могли ужиться анархисты, представители частью озлобленнаго мелкаго мѣшанства, гибнущаго подъ ударами капитала, частью пролетаріевъ полу-босяковъ, не прочно связанныхъ производствомъ, недостаточно воспитавшихся на немъ. Анархисты раскололи организацію, и она вскорѣ замерла.

Она была любимое дитя Маркса... Онъ, конечно, не сомнѣвался, что она воскреснетъ. Но не судьба ему было увидѣть это. Онъ не дожилъ шесть лѣтъ.

Правда, онъ видѣлъ зато, какъ росла нѣмецкая социаль-демократія, проникнутая тѣмъ же духомъ, и молодая рабочія партія другихъ странъ. Но какое счастье было для него узнать, что та мировая организація, которой отдалъ онъ столько силъ, вновь поднялась и развернулась въ десятки разъ шире, чѣмъ прежде, что уже теперь болѣе двадцати пяти милліо-

новъ людей идейно связаны съ нею. Ему не было дано этого счастья...

Марксъ — образецъ *человѣка*, то есть — работника и бойца. Трудъ и борьба составляли его жизнь, какъ они составляютъ жизнь рабочаго класса. И была чиста эта жизнь, какъ то знамя, которое онъ несъ.

Въ немъ воплотился новый типъ, сливающейся творческую мысль и творческую практику въ одно нераздѣльное, гармоничное цѣлое. И въ этомъ тоже онъ принадлежитъ новому міру.

Одновременно съ Марксомъ жилъ Дарвинъ, великій человекъ науки, сынъ буржуазнаго общества. Когда Дарвинъ сдѣлалъ свое великое открытіе — о происхожденіи видовъ живыхъ существъ, — Марксъ понялъ и оцѣнилъ сразу все значеніе этого переворота въ наукѣ. Впослѣдствіи онъ выразилъ это, пославъ Дарвину свое величайшее произведеніе — „Капиталъ“. Дарвинъ даже не сталъ читать этой книги. Геній пролетарскаго міра могъ понять генія буржуазной культуры, но не наоборотъ.

Не было отрасли знанія, чуждой для Маркса. Все изучалъ онъ, всѣмъ интересовался его неустанно работавшій умъ. И въ этомъ онъ — родной для пролетаріата. Мало времени у рабочаго, но все надо ему знать: природу, сопротивленія которой онъ побѣждаетъ трудомъ своихъ рукъ, общество, въ которомъ онъ борется, царство науки, у которой онъ ищетъ руководства на своемъ пути.

Геній Маркса — это душа рабочаго класса, отразившаяся и сознавшая себя въ самомъ сильномъ мозгу XIX вѣка.

Идите дальше! — его завѣтъ.